

РЕНИЯ ШПИГЕЛЬ

ДНЕВНИК РЕНИИ

В ТЕНИ ХОЛОКОСТА

1941 'sro
na za
nogo

velkie olov.
kask bydu

hick xqing a
bertroski hum
wje dobroj no
tego sam

БЕСТСЕЛЕР

THE NEW YORK TIMES

С КОММЕНТАРИЯМИ ЭЛИЗАБЕТ БЕЛЛАК

Рения Шпигель
В тени Холокоста.
Дневник Рении
Серия «Свидетели Холокоста»

Текст предоставлен правообладателем
<https://litres.ru/57527643>

*В тени Холокоста. Дневник Рении / Пер. с англ. яз. Е. Доперчук, А.
Строкина: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-119744-5*

Аннотация

<р>Рения – еврейка польского происхождения. Страницы дневника охватывают несколько лет ее жизни, начиная с 1939 года.**</р>** **<р>**В июле 1942 года, набравшись смелости, Рения сумела бежать из гетто, но не сумела спрятаться. Нацисты нашли девочку на чердаке заброшенного дома и расстреляли ее.**</р>** **<р>**Ее друг Зигмунт написал за нее последние строки дневника. После окончания Второй мировой, Зигмунт разыскал в Нью-Йорке мать и младшую сестру Рении, которым удалось выжить, и передал им дневник. Они осмелились открыть его лишь спустя 60 лет...**</р>** **<р>**В декабре прошлого года вышел английский перевод документального фильма польского режиссера Томаша Магерски «Разбитые мечты», рассказывающий о жизни юной

Рении в столь драматическое в истории человека время, время
Холокоста.</p>

Содержание

Предисловие	6
Пролог	14
1939	18
31 января 1939 г.	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Рения Шпигель В тени Холокоста. Дневник Рении

Печатается с разрешения издательства St. Martin's Press и литературного агентства Nova Littera SIA

Архивные фотографии предоставлены Bellak Archive, Courtesy of Bellak family, used with permissions

Перевод прозы – Елена Доперчук

Перевод стихотворений – Анастасия Строкина

Copyright © 2020 by Elizabeth Bellak

© Оформление, ООО «Издательство АСТ», 2020

Предисловие

За прошедшие сорок лет свои воспоминания опубликовали многие из переживших Холокост. Кто-то не начинал писать раньше, дожидаясь пока придет возраст, в котором люди склонны размышлять над своим прошлым. Кто-то посчитал, что мир теперь больше готов выслушать рассказ о геноциде. Других убедили это сделать дети или внуки. Начиная с 1980-х годов было опубликовано очень много воспоминаний, но при этом забывается, что желание «вспомнить и записать» возникло намного раньше.

В самом деле, люди, пережившие Холокост, начали писать мемуары и выступать со свидетельствами сразу после окончания войны. К началу 1960-х, пятнадцать лет спустя после Холокоста, были напечатаны тысячи воспоминаний тех, кто выжил. В 1961 году, когда Эли Визель¹ искал американского издателя для рассказа «Ночь», уже переведенного на французский, многие отказывались, считая, что и так уже вышло слишком много воспоминаний. В предисловии к французскому изданию «Ночи» Нобелевский лауреат Франсуа Мориак признавал, что рассказ Визеля был одним из огромного

¹ Визель, Эли (1928–2016) – еврейский писатель, журналист, общественный деятель. Лауреат Нобелевской премии мира 1986 г. «За приверженность тематике, посвященной страданиям еврейского народа, жертвам нацизма». – (Примеч. ред.)

числа воспоминаний о Холокосте: «Это личные записи, которые выходят вслед за множеством других»² Увы, с уходом поколения выживших эта тенденция – писать – иссякает.

Иногда трудно представить, что когда-то историки игнорировали эти воспоминания, которые сегодня так берегут и высоко ценят, предпочитая личным впечатлениям документы, хотя большинство из них изготавливались Третьим рейхом. Эти историки полагали, что личные воспоминания не так «достоверны», как документы. Сегодня историки признают ценность личных свидетельств, в особенности при их сопоставлении с документальными и материальными свидетельствами.

Безусловно, существует ряд методологических проблем – насколько можно полагаться на эти воспоминания и свидетельства. Их пишут постфактум. Память непрочна. На нее влияет то, что происходило потом. Воспоминание о событии может быть окрашено тем, как его запомнил другой человек, который тоже был его свидетелем. Человек может рассказывать подробности события, стремясь подчеркнуть какой-то конкретный момент, значение которого стало понятно много времени спустя. Это справедливо в отношении любого воспоминания или свидетельства. Мы записываем, чтобы высказать свою точку зрения. Но это особенно справедливо, когда воспоминание связано с травмирующим событи-

² Франсуа Мориак. Предисловие. Эли Визель, «Ночь». Цит. по: *Ruth Franklin. A Thousand Darkneses* (New York: Oxford University Press, 2011), p. 70.

ем. А что может быть травматичнее Холокоста?

Кроме того, мемуары – это голоса тех, кто выжил, но не тех, кто погиб. Так что Дэвид Бодер, один из первых ученых, систематически фиксировавших свидетельства переживших Холокост, вполне обоснованно озаглавил свою работу «Я не брал интервью у мертвых»³ Он знал, что записывал голоса тех, кто выжил. Голоса тех, кому выжить не удалось, в основном потеряны для нас навсегда.

Я пишу «в основном», поскольку некоторые свидетельства тех, кто погиб, у нас есть в виде дневников, как, например, дневник Рении Шпигель. Это другие дневники, и не только потому, что в них мы слышим голоса тех, кто не выжил. Дневники отличаются от воспоминаний в первую очередь тем, что не ставят перед нами методологические проблемы. Независимо от того, написаны они выжившими или погибшими, они в корне отличаются от воспоминаний – это не размышления, а фотографические свидетельства того времени. Проще говоря, автор воспоминаний знает, чем все закончилось. Автор дневника не знает – он пишет о сегодняшнем дне в сегодняшний день, а не какое-то время спустя. Вполне вероятно, что Рения, автор дневника, ничего не знает о «более широкой» картине того, что она переживает. К примеру, образование гетто в ее городе – это элемент более широкой политики «геттоизации» или что-то происхо-

³ *David P. Boder. I Did Not Interview the Dead.* – Urbana: University of Illinois Press, 1949.

дующее именно в том месте, где она находится? Если человек пишет после события, он может осознавать, каким образом конкретный указ вписывается в общую нацистскую политику, но у автора дневника, как правило, такого понимания нет. То, что автору дневника может казаться относительно мало-значительным, на самом деле оказывается крайне важным. И наоборот, то, что кажется чрезвычайно травмирующим событием, может поблекнуть в сравнении с тем, что за ним последует.

Самое главное, дневники показывают нам то, чего нет в мемуарах, – непосредственные эмоции. А ведь именно эта непосредственность столь убедительна. Мне это напомнило об Элен Берр, молодой парижанке еврейского происхождения, которая вела дневник с 1942 года вплоть до того дня, когда ее с родителями задержали в марте 1944-го. По счастью, она начала писать совсем незадолго до выхода указа о том, что все евреи должны носить желтую звезду. Она делится с дневником о том, как мучилась вопросом – носить ее или нет. Носить – это означает подчинение ненавистному режиму или это демонстрация гордости своей принадлежностью к еврейскому народу? Мы читаем о ее реакции на замечания прохожих. Одни выражают солидарность, другие – сочувствие. Она размышляет о них не издалека, с расстояния во много лет, а в тот день, когда с этим столкнулась. Она не рассматривает – и не может рассматривать – это событие как первый шаг в ряду будущих, более жестоких преследований.

Дневник Рении Шпигель напомнил мне, как он напомнит многим читателям, и о всемирно известном дневнике Анны Франк. Все три дневника – Шпигель, Франк и Берр – наполнены, казалось бы, будничными раздумьями девочек, охваченных первой любовью и полных надежд на будущее. Дневник Рении Шпигель отражает знакомые проявления подростковых беспокойств и тревог – первая любовь, первый поцелуй, приступы ревности, которые, оглядываясь назад, можно счесть ничего не значащими, но тогда, по крайней мере Рении, они казались чрезвычайно важными. К тому же в дневнике много стихов, которые не могут не тронуть читателя.

Мы, читающие ее записи, обладаем тем, чего у нее не было: мы знаем конец. В начале дневника она сильно расстроена тем, что ей пришлось жить с бабушкой и дедушкой, и поэтому у нее «не было настоящего дома». Она этим так «расстроена, что приходится плакать». Отсутствие дома блекнет по сравнению с тем, что ее ожидает. Если бы она писала воспоминания, она бы знала об этом и, возможно, сгладила бы этот травмирующий момент. Она этого не делает. После падения Западной Европы в 1940 году она плачет: «Я здесь одна, без мамы и папы, без дома, меня дразнят, надо мной смеются. О Боже, зачем наступил этот ужасный день рождения? Не лучше ли умереть? Смотрю с высоты своих 16 лет и думаю – достигну ли я конца». Если бы она писала воспоминания, зная, что ее ждет впереди, она бы вполне могла за-

быть об этом моменте уныния. Она бы так сильно не расстраивалась из-за того, что у евреев отбирали меховую одежду. «Вчера пальто, шубы, воротники, нарукавники, шапки, ботинки отбирали на улице. И теперь новое положение, что под страхом смерти запрещается иметь дома хоть клочок меха».

Не знает она и о том, что, казалось бы, ужасный удел для некоторых жертв на деле мог бы оказаться спасительным. Она пишет, что стали «происходить ужасные вещи», что «устраивали облавы, людей сгоняли в одно место и отправляли куда-то в глубь России», в Биробиджан, где была образована еврейская автономия. «Их будут везти в закрытых темных вагонах, зараженных паразитами, по пятьдесят человек в каждом. Они будут ехать без воздуха, в грязи. Наверное, они голодные. Они будут ехать много долгих недель, с умирающими детьми». По иронии судьбы у этих людей, разумеется, было больше шансов выжить, чем у тех, кого впоследствии немцы втолкнули в другие вагоны и повезут навстречу еще более страшной судьбе.

И все же эта девочка – а она и была именно девочкой – со своими романтическими мечтами о будущем осознает, как в тиски зажимают ее и ее народ. «Гетто! Это слово звенит в ушах, ужасает, мучает. Мы не знаем, что с нами случится, куда мы пойдем и что нам позволят взять с собой». Тем не менее она продолжает надеяться на будущее. Эта напряженность между все более мрачной реальностью и надеждой на луч солнца просто разрывает читателю сердце.

За несколько дней до того, как ее схватили и убили немцы, Рения ощущает возможное приближение конца. Она про- рочески записывает: «Мой дорогой Дневник, мой хороший, любимый друг! Мы вместе прошли через такие ужасные вре- мена, и теперь для нас настал самый тяжелый миг. Сейчас я могла бы почувствовать страх. Но Тот, кто не оставил нас тогда, поможет нам и сегодня. Он нас спасет. О Израэль⁴, спаси нас, помоги нам».

Рения Шпигель – девочка, полная жажды жизни, облада- ющая способностью описать красоту окружающего ее мира в прозе и стихах, девочка, у которой одна-единственная пуля отняла то, чего она так хотела, – будущее. Если бы не этот дневник, она ушла бы вместе с миллионами других в без- жалостное забвение, как большинство жертв Холокоста. Те, кто спас дневник, и те, кто обеспечил его издание, спасли ее. Они не могли ее спасти от жестокой судьбы, не могли дать ей будущее, которого она так страстно желала, но они спасли ее от еще одной печали – забвения.

Дебора Э. Липштадт,

профессор Института новейшей еврейской истории и изу- чения Холокоста в Университете Эмори,
автор книги «Антисемитизм: здесь и сейчас»

⁴ Отсылка к одной из самых важных молитв в иудаизме – «Шма, Исра- эль» («Слушай, Израиль: Господь – Бог наш, Господь один»).

(Antisemitism: Here and Now. – New York: Schocken Books, 2019)

Пролог

Моя сестра Рения Шпигель родилась 18 июня 1924 года в городке Ухрынковце (Uhrnykowiec) Тарнопольского воеводства. До того как Вторая мировая война разорвала на части нашу семью, наш народ и нашу страну, этот маленький городок находился в юго-восточной Польше, а теперь это часть Украины

Я появилась на свет 18 ноября 1930 года, через шесть лет после Рении. Пятьдесят три года я прожила в счастливом браке с моим венским мужем австрийского происхождения Георгом Беллаком. Я счастливая мать двоих детей и бабушка троих замечательных мальчиков; тридцать лет я преподавала в школе в Нью-Йорке. Моя сестра прожила только восемнадцать лет. Ее убили нацисты в 1942 году. Несколько фотографий, несколько семейных реликвий, воспоминания, крутившиеся у меня в голове почти девяносто лет, и дневник, который вы собираетесь читать, – это все, что у меня от нее осталось.

Сказать по правде, я не была готова к встрече с этим дневником. Многие годы я пряталась от него и от своего прошлого, пока однажды моя дочь Александра Рената не извлекла дневник из сейфовой ячейки, где он лежал nepoтpeвoжeнный больше сорока лет. Осознавая ценность этого исторического документа и то, какой отклик записи Рении могут вы-

звать у людей во всем мире, она организовала перевод дневника на английский. Моя дочь и по сей день неутомимо трудится над его публикацией по всему миру, добиваясь осознания значения этой истории и в наши дни. Я благодарна ей за то, что она вернула мне память о моей сестре.

Когда я должна была родиться, родители сделали из бумаги аиста, поставили его на окно и сказали сестре, что я скоро появлюсь. К тому времени наша семья переехала в усадьбу близ городка Ставки (Stawki) на Днестре, это недалеко от румынской границы, и Рения обожала усадьбу совсем так же, как свой старый дом. Она любила слушать пение птиц. Она любила ветер. Она любила лес. Иногда я думаю, что именно воспоминания об этих местах – далеко за городом, в другое время – послужили вдохновением для стихов, которые она записывала в дневник. Ее стихи – спокойные, безмятежные мысли, рождавшиеся, когда вокруг шла война.

Мы уехали из нашего дома в Ставках не из-за войны. Я была ребенком-актером, меня называли «польской Ширли Темпл», и в 1938 году мы с мамой переехали в Варшаву ради моей карьеры. Она оставила Рению у своих родителей в ее родном Пшемысле – небольшом городке на юго-востоке Польши. Сегодня это город вблизи границы с Украиной. В январе 1939 года Рения начала вести дневник. В то лето я приезжала на каникулы к Рении и бабушке с дедушкой, а мама вернулась в Варшаву.

Немецкая и советская армии вторглись в Польшу в сен-

тябре 1939 года, и к концу месяца Польша была разделена на две оккупационные зоны: германскую к западу и советскую к востоку. Пшемысль, расположенный по двум берегам реки Сан, был поделен надвое. Бабушка с дедушкой жили в восточной части, оккупированной Советами. Мама была в Варшаве – в западной части Польши, оккупированной немцами. Пересекать реку Сан нам не разрешалось, так что мы внезапно оказались отрезанными от друг от друга. Тогда-то Рения и заменила мне мать. В последующие два года мы виделись с мамой всего несколько раз, и письма от нее приходили не часто. Рения ужасно тосковала по ней. До сих пор я думаю, не заменил ли дневник ей мать, которую она так любила и по которой так скучала.

До тех пор пока Зигмунт, любимый моей сестры, не передал этот дневник маме в начале 1950-х, я понятия не имела, что Рения его вела. Как она умудрялась прятать от меня семьсот страниц – загадка, но это был ее секрет, которым она поделилась только с Зигмунтом. Она отдала Зигмунту дневник незадолго до того, как была убита, а он, перед тем как его отправили в лагерь, передал тетрадь кому-то на хранение. Дневник сохранились, и друг Зигмунта, мы до сих пор не знаем, кто это был, привез его в Штаты. Мама умерла в 1969 году, и, когда я обнаружила дневник в ее вещах, я заперла его в сейфовой ячейке банка «Чейз» около моего дома. Читать его было для меня невыносимо. Слишком сильное эмоциональное напряжение.

До сих пор, когда я начинаю читать его, мне становится плохо и я плачу. Но я понимаю, насколько важны эти страницы, поэтому делюсь с вами. Мы живем в такое время, что не всегда встретишь толерантность, а она так нужна. Трудно разобраться и в том, что такое война, – особенно если ты находишься в ее гуще, – но Рения всегда была мудрой, и она разобралась. Мне кажется, что ее мысли, ее борения и ее смерть показывают нам, почему мы нуждаемся в мире и согласии. Пусть слова и стихи моей сестры говорят сами за себя.

В конце книги я поместила свои заметки, которые соотносятся с конкретными деталями и периодами, что остались в памяти из жизни с сестрой. Я рассуждаю об истории и о том, что мне помнится о последних годах жизни Рении, я рассказываю о тех из нас, кто выжил, и как нам жилось после войны.

Воспоминания мои не такие четкие, как восемьдесят лет назад, но я старалась. Иногда мои мысли и мысли Рении могут показаться разбросанными и непоследовательными, но такова природа дневника. Это сиюминутность и импульсивность, а иногда таковы и мои собственные размышления.

Все что я говорю – унаследовано из жизни моей сестры, которую ей не пришлось прожить, а слова Рении – воспоминания подростка, навсегда захваченного западной войны.

Элизабет Лецинска Беллак,
прежде Ариана Шпигель

1939

31 января 1939 г.

Почему я решила начать вести дневник сегодня? Случилось что-то важное? Я узнала, что дневники ведут мои друзья? Нет! Просто мне нужен друг. Мне нужен кто-то, с кем я могу говорить о своих каждодневных печалях и радостях. Кто-то, кто будет чувствовать то, что чувствую я, верить тому, что я говорю, и никогда не выдаст мои секреты. Ни один человек никогда не сможет стать таким другом, вот почему я решила найти доверенного друга в виде дневника.

Сегодня, дорогой мой Дневник, начало нашей большой дружбы. Кто знает, сколько она продлится? Может быть, она даже будет продолжаться до конца нашей жизни. В любом случае, я обещаю быть честной с тобой, я буду открытой и всегда рассказывать тебе все. В ответ ты будешь выслушивать мои мысли и мои заботы, но никогда не выдашь их никому, ты будешь хранить молчание, как волшебная книга, запечатая волшебным ключом и спрятанная в волшебном замке. Ты не предашь меня, а если что, это сделают маленькие синие буквы, которые смогут разобрать люди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.